

Наталья
ЛАЙДИНЕН
г. Москва

ПАРТИТУРА СУДЬБЫ

Очерк жизни и творчества Ройне Карловича Раутио в контексте эпохи

* * *

Талантливый композитор, представитель известной во всем мире музыкальной династии, Ройне Карлович Раутио (1934–1960) – одна из самых драматических фигур в мире искусства и культуры Карелии середины XX века. Его стремительно восходившая звезда обещала немало ярких свершений, но, как многие одаренные и противоречивые натуры в разные столетия, Ройне сгорел неожиданно для всех и слишком быстро, так и не взяв печально известный большинству творческих личностей роковой рубеж 27-летия.

Но и спустя пять с половиной десятилетий после внезапного трагического ухода из жизни молодого композитора его музыкальные произведения продолжают исполняться в Карелии, странах Скандинавии, а судьба волнует потомков и исследователей. Мой интерес к теме не случаен – в разные годы я встречалась с членами семьи Раутио, записывала с ними интервью, готовила материалы для прессы. Пожалуй, среди всех представителей династии Ройне Раутио – самый закрытый и биографически малоизученный персонаж, о его жизненном и творческом пути сохранилось не слишком

много информации, документальных свидетельств, достоверных воспоминаний. Как нередко случается, биография талантливого человека содержит трудновосполнимые пробелы, она окутана домыслами и мифами, вызывает дискуссии и вопросы. К сожалению, ушли в мир иной его супруга, преподаватель немецкого языка Ирэн Моисеевна Раутио (в девичестве – Лившиц), братья, друг по учебным годам в Ленинградской консерватории Эдуард Хиль. Тем не менее судьба неординарного человека, с дальнейшим раскрытием таланта которого связывали большие надежды его отец, знаменитый композитор и общественный деятель Карл Эрикович Раутио, руководители ансамбля «Кантеле», где в последние два года жизни Ройне работал дирижером, члены Союза композиторов Карелии, волновала, настойчиво требовала осмысления.

Партитура любой жизни – всегда сложное многоголосие, столкновение и развитие тем, переключки между настоящим, прошлым и будущим, причудливые цепочки взаимопроникающих и влияющих друг на друга сюжетов, повторяющихся на новом витке циклов. Постепенно погружаясь в мир Ройне Раутио, пытаюсь разобраться в его хитросплетениях, я неоднократно беседовала с сыном музыканта Лау-

ри Ройневичем Раутио, который избрал совсем иные пути, далекие от творчества. Но на крутых изломах жизни он сберег желание рассказать об отце, сохранил то, что осталось от архива Р.К.Раутио. Лаури совсем не помнит Ройне Карловича (сыну было всего полтора года, когда его не стало), но колочие онежские брызги, летевшие в лицо со всех сторон, когда они с матерью на моторной лодке по свинцовым волнам мчались на место гибели братьев Ройне и Хейно, впечатались в память навсегда. Как и ледяной ужас, который обнимал в те минуты всех, находившихся на месте трагедии, и глухое молчание, с которым взрослые в дальнейшем упорно обходили эту тему. Побеседовав с представителями музыкального мира и творческих кругов Петрозаводска, сотрудниками Национального музея Республики Карелия, ансамбля «Кантеле», преподавателями Карельской государственной консерватории, выпускниками и педагогами Карельской государственной педагогической академии, я взялась за написание этого очерка.

Постепенно из россыпи эпизодов биографии, кусочков рассказов и воспоминаний, мерцания мелодий, образов, лиц стал составляться объемный портрет молодого музыканта и его окружения: ожил сложный характер, проявились противоречивые черты личности и времени, обозначились главные темы творческих устремлений и исканий, линии важных душевных и профессиональных связей. Конечно, на полноту и глубину анализа за давностью лет и фрагментарностью свидетельств претендовать невозможно, но воссоздать основные вехи судьбы Ройне Карловича Раутио, отметить вершины, развилки и знаковые рубежи представляется вполне реальным.

* * *

Но вначале – несколько слов о многомерном контексте эпохи, в которой родился, жил и творил композитор Р.К. Раутио. Несомненно, именно характер времени, вместе с семейным воспитанием, примером представителей старшего поколения, собственным наработанным опытом сыграли свою значимую роль в формировании личности, развитии музыкальной одаренности и творческой индивидуальности Ройне Раутио.

Сегодня в это трудно поверить, но всего столетие назад Петрозаводск казался тихим и весьма удаленным от столиц губернским городом, жизнь в котором текла буднично и неторопливо. Вот какими воспоминаниями поделился со мной Григорий Натанович Кац, уроженец Петрозаводска 1921 года (ученик

скрипача, композитора Р.С.Пергаментя): «В двадцатые-тридцатые годы Петрозаводск был небольшим уютным городком, центр которого располагался между двух рек – Лососинки и Неглинки. Улицы были немощеные, застройка – деревянная. Существовали и далекие окраины – Зарека, Голиковка, где обитал рабочий люд. Жители центра хорошо знали друг друга, ходили в гости.

У нас во дворе (на проспекте Ленина) был небольшой огород и сарай, папа купил корову. Многие соседи (поляки Полозовы, семья Орловых) тоже держали крупный рогатый скот – надо было кормить детей. Днем пастух пас стадо, гонял его через весь город, а вечером животные возвращались и ждали, пока их впустят во двор. Потом мы держали коз, отец специально выстроил для них пристройку, кормушки. Я за ними убирал, пас их «в ямке» у плотины, на пустыре. На зиму запасали воз сена – приезжали бородатые мужики в ушанках из Заонежья и привозили на ярмарки свой товар, мы у них покупали. Летом дети заготавливали в лесу веники, собирали в мешки листья – корм для животных...»

Но уже вскоре ситуация в полусонном провинциальном Петрозаводске начала стремительно изменяться, развитию культуры и образования в городе был придан сильный уверенный импульс. Связано это с несколькими тенденциями. Во-первых, с определенной линией политического руководства государства, направленной на осуществление «культурной революции» и подъем национальных окраин. Во-вторых, с особенностями исторического контекста: в Советскую Карелию, наряду с переселенцами из других городов, прибыли финны-идеалисты из США и Канады (по примерным подсчетам – 6,5 тыс. человек), которые намеревались участвовать в строительстве на просторах СССР прекрасного социалистического будущего. Они привезли с собой не только новейшие бытовые приборы, технические устройства, современные орудия производства (в их числе, например, – оборудование для рыбоперерабатывающего завода), которых в глухих северных краях до той поры не видывали, но и музыкальные инструменты, кинопроекторы. Многие эмигранты были прекрасно образованы, знали по несколько иностранных языков, собирались делиться знаниями, культурным и цивилизационным опытом с жителями молодой республики, самоотверженно трудиться на благо Страны Советов.

Среди таких идейных переселенцев был и Карл (Калле) Раутио (1889–1963), выходец из простой финской семьи, в которой он был девятым ребенком. Всего детей было одиннадцать, но выжили только пять мальчиков. Вслед за старшими братьями юный Карл в период экономического кризиса

отправился из родных мест за океан искать непростое счастье. Он тяжело трудился в угольных шахтах разных штатов, не пренебрегал подсобными работами, ни на мгновение не забывая о главном призвании жизни, проявившемся в раннем детстве, – музыке.

В семье Раутио в поколениях передается история (подробно описанная А.Н. Тимоненом и Г.И. Лапчинским в книге «Карл Эрикович Раутио»), что маленьким мальчиком больше всего на свете Калле любил играть на самодельной берестяной дудочке (по-фински «торви»). Сначала воспроизводил любимые народные мелодии, потом появились простенькие композиции собственного сочинения – его душа пела, искала творческого самовыражения. Позже освоил более сложный инструмент – козий рог, за который был вынужден отдать соседскому парнишке прирученного лесного зайчонка, еще через некоторое время смог приобрести губную гармошку, наконец из Америки старший брат Йисакки привез ему двухрядку.

Будучи взрослым, в свободное от работы в забое время Карл с не меньшим вдохновенным упорством играл на трубе в самодеятельном ансамбле шахтерского клуба г. Белът (штат Монтана). Он упрямо двигался к исполнению замысла, собирал средства на обучение музыке, для этого даже освоил новую специальность – инспектора по проверке наличия газа в шахте, окончил в Чикаго заочные музыкальные курсы. Получив диплом, руководил ансамблем при финском клубе шахтеров в Орегоне, а в 1916–1920 гг. учился на музыкальном факультете Калифорнийского университета. Приходилось много читать и заниматься дополнительно, искать и штудировать литературу по композиции, не включенную в основную учебную программу. Карл увлекался джазом, следил за последними музыкальными тенденциями, мечтал о творческом развитии. Несмотря на вынужденный переезд, душа его жила воспоминаниями о далекой Суоми, находила утешение в знакомых с детства напевах. В США К.Э. Раутио написал первые песни, проникнутые глубокой ностальгией по малой родине, на слова Э. Парраса, М. Рутанена, Х. Матсона и других финноязычных авторов.

Именно в этот период выбор в пользу музыки как главного жизненного направления был сделан окончательно и бесповоротно. Карл принял и другое важное решение: вступил в Коммунистическую партию, а узнав об открывающихся возможностях переезда в СССР, сразу загорелся этой идеей. По пути следования на новую родину неутомимый энтузиаст умудрился организовать импровизированный ансамбль из попутчиков, а сразу по приезде –

дать первый концерт. В 1922 году Карл Эрикович и члены его семьи вместе с другими товарищами по партии оказались в Петрозаводске. С первых дней после прибытия в Советский Союз К.Э. Раутио полностью посвящает себя избранному делу, становится собирателем и исследователем народных песен Карелии и Финляндии, создает многочисленные музыкальные произведения, активно включается в общественную работу, становится советским коммунистом.

Однако социалистическая реальность оказалась совсем иной, чем представлялось из-за океана, многие наивные надежды и грезы вскоре развеялись. Супруга Карла Эриковича, не выдержав тягот новой жизни и неопределенности перспектив семьи, через некоторое время вместе с двумя сыновьями вернулась в США... До сих пор жива легенда, что именно с этой минуты начинает действовать «семейное проклятие» Раутио, поскольку жена Карла Эриковича уезжала с тяжелым сердцем, обидой на мужа, который принял решение, вопреки всему, остаться в Карелии.

* * *

На глазах Раутио-старшего Петрозаводск постепенно меняется, а сам музыкант становится непосредственным участником происходящих событий, инициатором и катализатором многих процессов в сфере создания и развития музыкального пространства. По воле исторических релей город превращается в бурлящий «плавильный котел»: по распределению, а также в попытке избежать репрессий в Карелию прибывают квалифицированные специалисты из Москвы и Ленинграда, других городов, позже – высланные из родных мест финны-ингерманландцы. В результате активный импульс получила научная, производственная и творческая деятельность, в городе стала формироваться прослойка интеллигенции, живая культурная и интеллектуальная среда, в которой закипели самые разнообразие идеи.

Правительство молодого государства объявляет курс на поддержку образования в регионах, борьбу с неграмотностью: открываются школы, избы-читальни. В 1931 году создается первое высшее учебное заведение в республике – Карельский государственный педагогический институт, большую роль в становлении которого впоследствии сыграли именно политиммигранты из США и Канады. (В Петрозаводске благодарные выпускники до сих пор с теплом вспоминают Мейми Оскарвону Севандер, дочь одного из главных идеологов переезда американс-

Портрет Р.Раутио работы В.Чекмасова

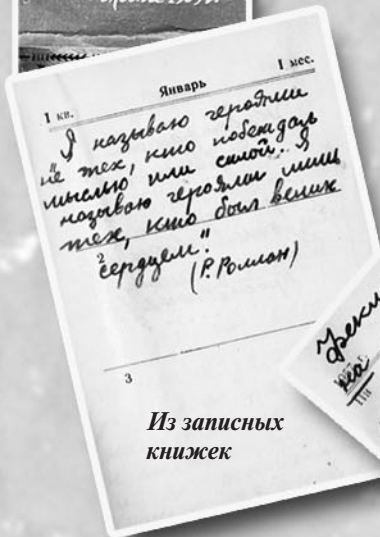
Олонцу джаз банд. 1949 год

Знак декады Карельского искусства в Москве — 1959 год

Карл Раутио с сыновьями Эриком, Хейно и Ройне

Из записных книжек

ких и канадских коммунистов, которая три с половиной десятилетия спустя создала и возглавила в КГПИ факультет иностранных языков и сумела собрать вокруг себя уникальный преподавательский коллектив.) В 1940 году на базе пединститута открывается университет, на различные кафедры которого приглашаются профессора из Ленинграда. Заложённая в те далекие годы вузовская научная школа и сегодня считается одной из сильнейших на Северо-Западе России.

Параллельно развивается литературный процесс, появляется новая поэзия, проза и драматургия на русском и национальных языках, активизируется издательская деятельность, а уже в 1926 году структурируется первая писательская организация. Формируются новые традиции в живописи, графике и скульптуре. Открываются театры для взрослых и детей, в том числе Государственный финский драматический театр, сыгравший большую роль в культурной жизни Карелии. Продолжается работа краеведческого музея, поднимается вопрос об открытии музея изобразительных искусств. В Петрозаводске действуют кинотеатры, к концу 30-х гг. многие сельские клубы оснащаются киноаппаратурой. Но одновременно с развитием отдельных направлений науки и культуры в жизни республики происходят страшные события: горят и разрушаются православные храмы, закрывается синагога, духовный вакуум населения насильственно заполняется идеологией.

В таких жестких условиях для творческих людей находится спасительная животворная отдушина, которой становится увлечение народной культурой. Разносторонне одаренный музыкант, поэт, собиратель фольклора Виктор Пантелеймонович Гудков, посвятивший много лет изучению национального инструмента карелов и финнов кантеле, знакомит с ним широкую общественность. Он последовательно обрабатывает опыт кантелистов в разных уголках Карелии и Северо-Запада, в экспедициях собирает мелодии и наигрыши, исследует варианты исполнения. Параллельно он работает над усовершенствованием самого инструмента для того, чтобы органично адаптировать его к современным широким музыкальным возможностям. В 1936 году при участии В.П. Гудкова создается ансамбль «Кантеле», который триумфально выходит на подмостки сначала республиканских, а потом и московских концертных залов, доньше является визитной карточкой Республики Карелия. С самого начала с «Кантеле» сотрудничают ведущие композиторы и музыканты, включая К.Э. Раутио, а впоследствии и всех представителей младшего поколения семьи, Р.С. Пергамента, Г.-Р. Синисало, Л.Я.Теплицкого,

вокалистов С.А. Рикка, Э. Венто, М.Н. Кубли, хореографов В.И. Кононова и Х.И. Мальми. Вскоре «Кантеле» уже выступает в Колонном зале Дома Союзов и Большом зале филармонии в Москве, успешно гастролирует по всему СССР.

Концертные выступления этого и других карельских музыкальных коллективов звучат по радио, в районах развивается песенная и танцевальная культура, создаются народные хоры, устраиваются смотры самодеятельного искусства. В 1939 году открывается Карело-финская государственная филармония, один из центров музыкальной и просветительской жизни республики, ансамбль «Кантеле» входит в состав нового учреждения культуры. Замечательный музыковед и педагог Г.И. Лапчинский глубоко и всесторонне осмыслил этот плодотворный период развития музыкальной культуры республики (как и последующий – послевоенный) в книге «Музыка Советской Карелии», многочисленных статьях.

* * *

С момента переезда в Петрозаводск Карл Эрикович Раутио ведет активную преподавательскую деятельность (его первое место работы в 1922 году – учитель музыки в новом педагогическом техникуме, преподавание в котором велось на финском языке). На базе учебного заведения организатор-энтузиаст незамедлительно создает смешанный хор и два оркестра – из студентов и преподавателей. Он скрупулезно изучает фольклор карелов, финнов, ингерманландцев, традиции рунопевчества, а также поэзию на национальных языках. В издательстве «Кирья» (г. Ленинград) выходят сборники песен и хоров композиторов Карелии, в том числе в них включены произведения К.Э. Раутио, созданные в соавторстве с Р.Сиреном.

Первое же крупное произведение Раутио-старшего «Карельская свадьба» (1926) принесло композитору широкую известность, привлекло внимание слушателей к национальной самобытности Карелии и в дальнейшем с успехом исполнялось на самых разных площадках страны. Карл Эрикович задумывается о рождении профессионального музыкального коллектива, через несколько лет с успехом реализовывает эту идею, создав в Карелии симфонический оркестр радио Карело-Финской ССР, позднее ставший большим симфоническим оркестром республики.

В 1937 году формируется первая республиканская композиторская организация (сначала Карельский филиал Ленинградского союза композиторов, а

потом – Карельское отделение СК РСФСР). В него входят крупнейшие фигуры своего времени – Р.С.Пергамент, В.П. Гудков, К.Э. Раутио, Л.К. Йоусинен, Б.С. Ефимов, Я.М. Геншафт, Л.Я. Теплицкий, Л.С. Гликман, вскоре к ним присоединились Г.-Р. Н. Синисало, А.И. Голланд, другие деятели искусства, каждый из которых внес огромный вклад в формирование и пополнение музыкальной сокровищницы республики. Музыканты и специалисты по изучению фольклора отправляются за вдохновением в удаленные карельские и вепсские села, к хранителям народных традиций, записывают и обрабатывают сотни народных песен, стихотворений, историй, легенд, которые благодаря этим титаническим усилиям сохранились до наших дней. Внимание к культуре и традициям народов Карелии, передававшимся в селах от родителей к детям, сказительству, руноречию и плачам определило лирико-эпический, романтический и былинный настрой авторского творчества целой плеяды композиторов, художников и поэтов, сформировало удивительную культурную полифонию республики.

Стоит вспомнить также о том, что в 1937 году с успехом состоялась Декада Карельского искусства в Ленинграде, а гастроли профессиональных и любительских музыкальных коллективов в Северной столице, Москве стали регулярными. В 1938 году в Петрозаводске распахнуло двери музыкальное училище (в 1971 году в знак признания огромного вклада К.Э. Раутио в музыкальную культуру Карелии учебное заведение получило его имя), открывая возможности для творческого развития талантливым детям из городов и сел республики. Теплые и плодотворные профессиональные отношения связывали Карелию с представителями ленинградской музыкальной школы, педагогами Ленинградской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова: например, известный пианист, композитор Л.В. Вишкарев 14 лет работал в Петрозаводске, преподавал, а в период с 1943 по 1945 год был председателем республиканского Союза композиторов.

* * *

Набрасывая широкими мазками портрет протворечивой эпохи, невозможно не упомянуть о трагедии, постигшей американских и канадских финнов в конце 30-х гг. прошлого века – жестокие репрессии, прокатившиеся по стране, не пощадили и тех, кто приехал в СССР, движимый коммунистическими идеями и мечтами. Кому-то удалось чудом выскользнуть из мясорубки времени,

спешно вернувшись в США или выехав в Финляндию и другие европейские страны. Но большинство политиммигрантов приняли страдания вместе с многонациональным народом России. Среди погибших в те годы – коммунист Оскар Корган, вдохновитель и организатор переезда в Россию тысяч финских энтузиастов из-за океана. (О его драматической судьбе и судьбах других американских финнов в СССР М.О.Севандер подготовила и издала книгу «Они забрали моего отца», основанную на воспоминаниях, сохранившихся архивных документах и свидетельствах, исследования продолжила ее дочь Стелла.)

Не менее трагично складывались судьбы финнов-ингерманландцев: большинство семей в конце 30 – начале 40-х гг. были вынуждены уехать из родных мест без надежды вернуться, многие пострадали от репрессий и гонений, оказались в Эстонии, Финляндии, Мурманской области, за Уралом, на севере Карелии... Изменилась политика руководства страны относительно финского языка, были свернуты языковые курсы, закрыты периодические издания, сокращено преподавание в учебных заведениях. Многие финны были расстреляны или оказались в сталинских лагерях. Поредели ряды деятелей культуры Карелии. Известные музыканты, театральные деятели, писатели, художники исчезали в ГУЛАГе или нашли последнее пристанище вместе с безвинно убиенными представителями разных национальностей в расстрельном урочище Сандармох, неподалеку от Медвежьегорска. Это были невосполнимые для республики потери.

Карлу Раутио посчастливилось уцелеть, но и он сполна ощутил жестокий вал исторических событий, прокатившийся по стране. В 1937–38 гг. недоброжелатели и завистники неоднократно писали на него доносы. Об этом вспоминает Мумми – Аугне Георгиевна Виртавуори (в шведском изначальном варианте – Стромберг), преданная жена К.Э.Раутио и мать его четверых детей, автор двух учебников по финскому языку. Для того чтобы спасти себя и семью, в 1939 году Карл Эрикович по рекомендации коллег отправляется в длительную творческую командировку в далекую Ухту (ныне – поселок Калевала, центр Калевальского национального района), занимается там исследовательской работой, создает хор из местных жителей, обучает их музыкальной грамоте. В семью Виртавуори к этому моменту тоже постучалась беда: безжалостный Молох погубил родных супруги К.Э.Раутио. Отец Аугне, иммигрант из Финляндии, Георг Виртавуори работал на Онежском тракторном заводе конструктором, а сестра Рауни трудилась в типографии наборщицей. Как следует из документов НКВД, она допустила фатальную

по тем временам ошибку: в газетной статье в названии города Сталинград была пропущена буква «р». Отца и дочь осудили по политической статье 58-6 (шпионаж) и расстреляли в один день – 14 октября того же года в окрестностях Петрозаводска.

Волей судьбы супруги Раутио, а также трое их сыновей и дочь, спаслись в период тяжелых репрессий, пощадило их и разрушительное пламя Великой Отечественной войны. Концертная бригада во главе с Карлом Эриковичем колесила по фронтам, воинским частям, госпиталям. Во время эвакуации, находясь в Беломорске, композитор продолжал творить, работая как над крупными симфоническими произведениями, так и над песнями, маршами, обработками народных мелодий. Он разделил судьбу новой родины и ее народа в самые страшные и жестокие годы.

В конце войны семья оказалась в Олонце, где в продуваемом всеми ветрами двухэтажном деревянном доме прошли несколько трудных, но счастливых лет. До 1949 года в старинном городке работали актеры труппы Финского драматического театра, жили их семьи. Дети Карла Эриковича и Аугне Георгиевны обучались музыке под личным руководством Карла Раутио. Сыновья и дочь, кроме русского языка, владели финским как родным, так что впитывание фольклорных традиций изначально происходило очень естественно. Нужно отметить, что в семье Раутио музыкальная одаренность передается по наследству, поэтому все представители младшего поколения обладали абсолютным музыкальным слухом, братья с раннего возраста освоили не только фортепиано, но и другие инструменты – трубу, саксофон, скрипку, кантеле, пели, блестяще импровизировали. В Олонце братья Раутио играли в «джаз-банде», Ройне увлекался духовыми инструментами. Юношеская любовь к джазу озарила всю жизнь Карла Раутио, передал он ее и своим детям. По понятным причинам долгие годы эта музыкальная страсть реализовывалась преимущественно в кругу семьи. Впоследствии представители младшего поколения Раутио охотно музицировали на танцах и вечеринках. А дома стоял граммофон, для которого с трудом «доставали» музыкальные пластинки с последними новинками. Дочь Ирина с детства предпочитала танцы, но и она чувствовала и любила музыку – как все Раутио. Недаром до сих пор в Петрозаводске шутят, что представители этой династии могут сыграть даже на авторучке. О религии в семье не говорили, дети росли, ориентируясь на идеологические стереотипы и тенденции времени.

* * *

После окончания войны культурная жизнь в Петрозаводске возрождалась достаточно быстро, едва ли не опережая восстановление других сфер народного хозяйства. В 1949 году было опубликовано новое издание «Калевалы» на русском языке, вызвав живую волну интереса широкого круга жителей республики к карело-финскому эпосу. Музыканты выступали в отдаленных районах, в Карелию на гастрольные приезжали выдающиеся исполнители, театральные коллективы, в Петрозаводске проходили концерты, лекции, творческие вечера. Чего стоит упоминание в афишах таких имен, как С.Т. Рихтер, Э.Г. Гилельс, Л.Б. Коган. Плодотворные творческие контакты установились с Ленинградской академической капеллой имени М.И. Глинки. Интерес публики к выступлениям известных исполнителей был колоссальным! С симфоническим оркестром Карелии сотрудничали известные дирижеры и музыканты, в том числе зарубежные, перспектива для культурного развития республики задавалась масштабная. Музыку карельских композиторов, в том числе К.Э. Раутио, исполняли по всеююзному радио, на концертах народной музыки в столице... В районах открывались музыкальные школы, в 1948 году возобновилась деятельность музыкального училища. При филармонии открылся музыкальный лекторий, проезд преподавателей и музыкантов в удаленных уголках республики воспринимался как глоток свежего воздуха.

Вот как вспоминает об этом в беседе со мной участник просветительского процесса, а впоследствии – один из инициаторов создания в Петрозаводске консерватории, скрипач, профессор Климентий Иосифович Векслер: «Вместе с Георгием Ильичом Лапчинским, авторитетным музыкантом, автором книг о многих карельских композиторах, прекрасным музыковедом, выдающимся человеком (он в годы войны сражался танкистом, вернулся с фронта без ноги, ходил на протезе), а также знаменитым басом Виктором Каликиным и другими исполнителями, в составе творческой бригады музыкального лектория филармонии ездили по всему Северо-Западу России – Карелии, Республике Коми, Мурманской области, выступали в домах культуры. Георгий Ильич произносил вступительное слово, рассказывал о композиторах, инструментах, а мы исполняли классические произведения. Случалось, что в каких-то домах культуры рояль был расстроен, тогда баянист или аккордеонист садился и исполнял партию рояля. Прекрасные с нами выступали музыканты – солист филармонии, аккордеонист Николай Воропаев, позже – баянист Вячеслав

Калаберда. В глубинке очень любили музыку, с удовольствием ее слушали, прекрасно принимали. У нас в репертуаре наряду с классикой были целые библиотечки популярных скрипичных миниатюр, которые мы исполняли на «бис». Кроме того, мы постоянно выступали в учебных заведениях, нас встречали очень тепло».

Новый взлет в послевоенный период пережила и театральная культура Карелии. К.Э. Раутио трудится музыкальным руководителем Финского драматического театра (совмещая эту должность с работой художественным руководителем ансамбля «Кантеле»), внося большой вклад в его становление и развитие. В 1948 году Карла Эриковича избрали председателем Союза композиторов Карело-Финской ССР, он возглавлял организацию на протяжении семи лет. Продолжал писать песни на стихи Я. Ругоева, Л. Хело (Т. Гуттари), Я. Виртанена, Н. Лайне и других национальных поэтов. А впереди его ждали окончание Первой симфонии (1954 г.), деятельность по руководству Карельским отделением Фонда мира, избрание депутатом Верховного Совета республики, написание музыки гимна Карело-Финской ССР, разнообразные творческие проекты и инициативы. Карл Эрикович Раутио стал кавалером многочисленных наград и званий, среди которых – два ордена Трудового Красного Знамени, орден «Знак Почета», медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», звание «Заслуженный деятель искусств Карело-Финской ССР».

Естественно, что при такой интенсивной творческой и общественной деятельности отца, его жесткой требовательности к себе и другим, самоотверженной преданности избранной стезе планка, поставленная юноному поколению семьи Раутио, была исключительно высокой, практически заоблачной. Несмотря на то что полное музыкальное образование (Петрозаводское музыкальное училище и Ленинградская консерватория) получил только Ройне (Хейно окончил музыкальное училище), все братья связали судьбу с творчеством, играли в различных ансамблях, сотрудничали с «Кантеле». С этим же коллективом соединила жизнь и Ирина Раутио (помимо того, она трудилась художественным руководителем самодеятельности Петрозаводского государственного университета, работала в детской библиотеке).

Р.К. Раутио, младший из братьев, с детства демонстрировал высокую музыкальную одаренность. Задатки композитора у него открылись довольно рано: уже во время учебы в музучилище он сочинял музыку, проявился как заинтересованный исследователь народного творчества, продолжатель дела Карла Эриковича. Собирая народные

мелодии, был способен сразу записывать их в блокнот нотами. При этом человеком он был обаятельным, располагающим к себе, интересным, пользовался заслуженным авторитетом среди сверстников, уважением педагогов. Как и большинство ребят своего времени, состоял членом пионерской и комсомольской организаций.

Ройне Раутио числился постоянным читателем публичной библиотеки КАССР, интересовался как классической, так и современной литературой, но особенно увлекался щекочущими нервы детективными историями и рассказами об охоте. Позднее, в годы учебы в Ленинградской консерватории, прекрасный читальный зал учебного заведения станет его отдушиной, местом, где хотелось проводить целые дни. Впрочем, абсолютная оторванность от мира и сложные метафизические искания вовсе не были присущи молодому таланту на раннем этапе развития. Музыкант довольно твердо стоял на ногах и понимал, чего он хочет достичь. При этом семейная погруженность в легенды «Калевалы», замороженность ее сюжетами и героями, привитая в семье любовь к народным мелодиям и напевам, безусловно, накладывали отпечаток на мировосприятие Ройне Раутио.

Будущий композитор очень выделялся на общем фоне тогдашних молодых людей, общение с ним запомнилось, разговоры западали в душу надолго. Многие девчонки были тайно влюблены в блестящего одаренного юношу. О судьбоносной для нее встрече мне рассказывала исследователь музыкального творчества династии Раутио, преподаватель Петрозаводского музыкального колледжа имени К.Э. Раутио Виолетта Анатольевна Жукова: «Я познакомилась с Ройне Раутио, когда только поступила в музыкальную школу, а он стал студентом первого курса. Очень живой, яркий парень, улыбочивый, красивый, талантливый, настоящая душа компании. Он привлекал к себе внимание везде, где появлялся». У семьи Раутио есть одна особенность: те, кто сближается с кем-то из этого рода, не уходят уже из орбиты судеб семьи, словно втягиваются огромной магнитной воронкой в чужую звездную систему.

Так и Виолетта Жукова на протяжении разных лет, точно кружась в бесконечном менюэте, соприкасалась то с тем, то с другим представителем знаменитой семьи, что в итоге вылилось в написание биографического очерка «Музыкальная династия Раутио». А еще эта неутомимая подвижница, знаток карельского фольклора, основатель детского коллектива «Перебудки», педагог с полувековым стажем, организовывала многочисленные мероприятия, посвященные музыкальному творчеству талантливых представителей фамилии Раутио, создала му-

зей в музыкальном колледже г. Петрозаводска, выступила инициатором проведения конкурсов имени Карла и Нины Раутио, добилась установления памятной доски на доме, где когда-то жили знаменитые карельские музыканты. А все началось в тот день, когда Виолетта Жукова впервые увидела юного романтического Ройне, попала в поле его притяжения, тем самым открывая долгую дорогу служения делу увековечения музыкального наследия и памяти этой необычной семьи...

* * *

Учеба в музучилище давалась легко, в 1953 году Ройне окончил дирижерско-хоровое отделение с отличием. Как одному из лучших выпускников, ему была присвоена квалификация преподавателя музыкально-теоретических дисциплин. По дирижированию он учился в классе опытного педагога Льва Косинского, а композицией занимался под руководством известного карельского композитора, исследователя народных музыкальных традиций, который также разрабатывал тему музыкальной «Калевалы», – Гельмера-Райнера Синисало, автора многих симфонических и камерных произведений, балетов, среди которых наибольшую известность получил балет «Сампо». Будучи студентом, Ройне активно сотрудничал с ансамблем «Кантеле», играл на трубе в симфоническом оркестре. В Ленинградскую консерваторию Раутио поступал, представляя произведение собственного сочинения по мотивам «Калевалы» – симфоническую поэму «Куллерво». Правда, наставники попросили отложить эту работу и вернуться к ней через некоторое время, но в учебное заведение молодого многообещающего композитора с радостью приняли.

В консерватории Ройне занимался по классу композиции у Ореста Александровича Евлахова – ученика Д.Д. Шостаковича, автора многочисленных крупных инструментальных произведений, одного из самых авторитетных в стране педагогов, умевшего разглядеть и раскрыть в студентах настоящий талант. Впоследствии отношения между преподавателем и его учеником переросли в профессиональную и личную дружбу. В консерватории ценили творческий дар Раутио-младшего, считали его «прирожденным дирижером», что, безусловно, льстило студенту. Родители поддерживали сына во время учебы, посылая в Ленинград почтовые переводы, чтобы студенческая нужда не отвлекала его от занятий. Аугне Георгиевна писала сыну на финском языке, сетова-

ла, что он редко отвечает. В свободное время Р. Раутио читал, постоянно возвращаясь к волшебным рунам «Калевалы», которые его не отпускали. Он многократно переделывал музыкальные произведения, созданные по мотивам эпоса, соединяя и варьируя самые разные эпизоды и сюжетные линии, нещадно «выбрасывая» все, что казалось лишним. Такое впечатление, что Ройне постепенно становился пленником и данником сказочной Похьелы, ускользая в ее просторы от утомительной рутины и бытовых проблем.

По примеру отца Ройне вел записные книжки – по-русски и по-фински, осмысливал понравившиеся афоризмы или сочинял собственные. Заметки в блокнотах (они сохранились в архиве Л.Р.Раутио) бессистемны, скорее, музыкант легкими штрихами фиксирует то, что его эмоционально «зацепило», показалось созвучным или значимым. Вот один из примеров. В 1957 году Ройне записывает в блокноте фразу: «Музыкальное искусство не нечто бессознательное, неосознаемое для человеческого ума, а область науки. Это наука, рассматривающая законы, управляющие музыкальным мышлением и выражением, и на основании этих законов не только строящая здание музыкального творчества, но и дающая возможность предугадывать, предсказывать и разъяснять невозможность некоторых явлений»¹. Очевидно, что преломленная через сознание идея известного музыковеда и педагога Б.Л.Яворского оказалась важной для молодого композитора. Ройне задумывался о сложной природе искусства, пытаясь отчетливо уловить и понять принципы и механику творчества. Бесспорно, это приводило к определенному внутреннему конфликту, поскольку в душе музыкант оставался романтиком и с нетерпением ожидал новых волн вдохновения, без которых не мог погрузиться в работу. Тем не менее тема «эмпирической проверки красоты», постижения логики законов творческого процесса, судя по всему, его серьезно занимала.

На другой страничке блокнота студент Раутио делает вопросительную пометку «Геростратова известность?», видимо, не понимая до конца смысла этого устойчивого выражения. Через некоторое время он расшифровывает его для себя, делая запись о том, что «Герострат сжег дворец в Афинах, чтобы прославиться». На самом деле Ройне несколько не точен – действительно оставшийся в веках житель Древней Греции поджег не дворец, а

¹ Здесь и далее цитирование происходит по записным книжкам Р.К.Раутио из архива Л.Р.Раутио.

храм Артемиды Эфесской – одну из главных достопримечательностей того времени. Большинство цитат, отмечаемых Раутио-младшим, записаны в вольном изложении, для музыканта важно отразить общий смысл, «поймать» образ, уловить главную суть, его не заботит точность фразы, ее авторство. Молодой Ройне – максималист. «Если меня ругают враги, значит, я прав!» – убеждает себя он сам. Нередко бывает излишне категоричен и резок в суждениях, особенно о профессиональном призвании: «Кто не рожден быть музыкантом, тому никакие упражнения не нужны!!!»

В блокнотах Раутио-младшего содержатся напоминания о необходимости прочтения важных для него статей и произведений: например, ставшего отправной точкой для хрущевской оттепели романа В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым» в журнале «Новый мир». Частенько, расчертив обычную бумагу нотной линейкой, он набрасывал новые мелодии. Порой предварительно определял для себя и прописывал, какими должны быть отдельные пассажи – лирическими ли, философскими, сочинял эмоциональную палитру произведения. Иногда, задумавшись, делал забавные зарисовки.

На первых курсах занятия в консерватории не приносили Раутио-младшему большой радости: душа просила серьезной композиторской работы, глубинного взаимодействия с оркестром, а педагоги требовали систематических занятий, посещения лекций, кропотливой отработки консерваторской программы. Временами Ройне испытывал приливы разочарования, творческой неудовлетворенности. Как свидетельствуют его письма, вдохновение приходило не часто. К тому же, при всей напряженности учебного плана и интенсивности студенческой жизни, круглосуточности ритма ленинградской богемы, многообразии возможностей для личного, профессионального и культурного развития, молодой человек отчаянно скучал по родной Карелии, ее заповедным местечкам, острову Кижы, мечтал вернуться поскорее в родную с детства среду – к лесам и озерам, отправиться на охоту и рыбалку.

Молодой музыкант с детства особенно любил и чувствовал созвучные ему душевно перемены настроения водной стихии, неспроста одно из его несбывшихся детских желаний – стать моряком. Возможно, при другом варианте развития событий он мог бы определить для себя совсем иную стезю, состояться в избранной профессии и стать счастливым человеком... Но у Ройне практически не было выбора – узкий коридор судьбы заранее предопределил многие узловые моменты его жизни.

* * *

Было ли в его личном пространстве в этот период времени место для Любви? Спорный вопрос. Безусловно, увлечения бывали. Ройне быстро загорался, отдавался чувствам, а потом внезапно охладевал, оставляя девушек в недоумении, растерянности и даже отчаянии. В записной книжке музыкант однажды записывает: «Женщина как глина: отломил кусок, а ее еще много осталось!» Возможно, так он пытался отделаться от воспоминаний о неудачном сердечном опыте, что-то доказать себе и другим или просто, всецело сосредоточенный на собственных чувствах и эмоциях, не позволял обстоятельствам и окружающим слишком глубоко вмешиваться в свой мир, ограничивать творческую свободу. Циником Ройне Раутио точно не был, впрочем, как и идеалистом.

Из Ленинграда он писал трогательные письма подруге юности Валентине Согияйнен, в которых делился подробностями быта, размышлениями об увиденном и прочитанном, рассказывал, как тоскует вдаль от дома. Немного бравировал, описывая студенческие кутежи, собственную леность, скуку при подготовке к экзаменам, заработанные выговоры и даже угрозы снятия со стипендии. Сам себе противоречил, сетуя то на недостаточную требовательность педагогов, то на отсутствие тех, кто способен по-настоящему оценить его творения. «Времени и без того мало, а он (*педагог по дирижированию*. – **Прим. автора**) растрачивает его впустую»². Порой между строк прорывалось что-то очень неожиданное, глубокое из самых недр души: «Ты не можешь представить, с каким упоением мы пели «Господи, помилуй». Любый церковный хор позавидовал бы. Так и живем».

Этот очерк уже верстался в журнале «Север», когда Валентина согласилась встретиться со мной, я приехала к ней на улицу Композиторов в Санкт-Петербург, чтобы вспомнить волнующие мгновения ее молодости. И сейчас это очень статная красивая женщина. А в середине 50-х гг. прошлого века она была настолько хороша, что на нее оборачивались на улице. «С Ройне Раутио мы познакомились у моей подруги Лейлы в Петрозаводске, он вошел, наши взгляды скрестились, и что-то между нами сразу произошло, – рассказывает В.Согияйнен. – Я тогда уже училась в университете. Встречались несколько лет, но это были короткие свидания – мы жили в разных городах. Могли ночь напролет гулять, бро-

² Здесь и далее письма Р.Раутио, адресованные В.Согияйнен, цитируются по книге В.А.Жуковой «Музыкальная династия Раутио» (Петрозаводск, Verso, 2011).

дить по городу или просто сидеть рядом, часто Ройне смотрел мне в глаза и молчал. Это были очень чистые отношения, трогательная дружба, по крайней мере, я воспринимала все именно так. Я сердечно любила его как брата, но, наверно, это было недостаточно для чего-то большего. Ройне, хоть и был реалистом, крепко стоял на ногах, всегда оставался художником в душе, ему требовалось вдохновение, он жил в мире постоянно сотворяемых образов, которые воплощал в музыке. Рассказывал мне, что его Куллерво – совсем не такой, как в «Калевале», наделял героев дополнительными чертами, пропускал через себя. Возможно, я и наши отношения тоже были для него источником эмоций, которые не всегда связывались с реальностью».

Валентина Согияйнен прожила непростую жизнь, на которую оглядывается философски. Она помнит блокаду Ленинграда, гибель родственников в годы репрессий, арест и пребывание в лагере матери-ингерманландки, детский дом, где росла. Это с ранних лет сделало ее независимой и самостоятельной, она не могла никому позволить влиять на нее слишком сильно. Поэтому попытки Ройне Раутио замкнуть на себя ее мир, позвать замуж успехом не увенчались. Впрочем, он и не стремился особенно глубоко проникнуть в пространство своей музы, разобраться в сложностях души, понять причины ее поступков – для вдохновения и постоянных переживаний было вполне достаточно того, что происходило на внешнем плане.

Вопреки немалым усилиям, молодой человек не стал центром вселенной студентки Согияйнен – у нее были широкие интересы, увлечения, много друзей. Дни напролет она просиживала в библиотеке, читая Шопенгауэра, была критично настроена к советской реальности, вела себя свободно и даже дерзко. Была общительной, за ней ухаживали интересные молодые люди. Порой возникали драматические моменты: по словам Валентины, догадываясь о том, что у красавицы немало поклонников, мнительный и неуверенный в себе композитор мог неожиданно примчаться из Ленинграда в Петрозаводск и всю ночь бродить вокруг ее дома, а потом так же внезапно уехать. Ройне в сердцах упрекал подругу в «разбалованности», был готов изменить себя, чтобы стать похожим на ее мечту, а Валя только смеялась, понимая тщетность подобных попыток. В конечном итоге, таких эмоциональных «качелей» не выдержали оба, отношения расстроились и исчерпали себя, каждый двинулся дальше по своей стезе.

О том далеком, но памятном периоде жизни напоминают письма Ройне Раутио, которые Валентина позволила мне пролистать. Они переполнены

эмоциями, образами, впечатлениями и словами любви. Образ милой женщины поднимается до вселенского божественного масштаба, а потом низвергается в потоке упреков и разочарований. Во многом обращение Ройне к Валентине – это еще иллюзия чувства, страстное желание обрести свой идеал, поиск источника вдохновения. И, несмотря на пылкую увлеченность ингерманландской красавицей, сам композитор об этом в глубине души догадывался. Он встречался и с другими девушками, но так изливать душу, выражать оттенки переживаний в эпистолярном жанре мог только ей.

Уцелевшие угольки давно отгоревшего костра все еще обжигают сердце при прикосновении к ним: сразу после прочтения одного из опубликованных писем Р.Раутио к В. Согияйнен у меня родилось восьмистишие как продолжение запавшего мне в душу изменчивого образа пламени, о котором писал юный музыкант: «А ночь! Сидим у костра. Одни, совсем одни. Костер похож на сказочную Жар-птицу... Нам так хорошо!»

*Жар-птица дальнего костра,
Она опять ко мне слетела,
И рифм огненные стрелы
Я собирала до утра.*

*Как звезды, искры на ветру,
Мир светел, смерть нам только снится.
И в будущем горит страница,
Где Куллерво обнял сестру.*

* * *

Творчество – это выход за границы обыденной реальности, напряженный труд души и разума, взаимодействие с неведомыми силами, в ходе которого формируется, закаляется и шлифуется нравственный выбор человека. Рано или поздно возникает важная развилка, открываются возможности двинуться в разных направлениях. Как рассказывают родные, изначально по складу характера и душевной организации композитор Ройне Раутио – мечтатель. Ему нужно было непременно увидеть на экране воображения образ, запомнить или сразу зафиксировать его в записной книжке, а потом, спустя время, начать серьезную работу над ним. Для того чтобы пережить вдохновение и погрузиться в творчество, композитору требовалось одиночество. Он или закрывался наглухо в комнате, никого не впуская, или удалялся на природу, которая подпитывала его внутренние силы, способствовала раскрытию души. На фотографиях, где Ройне запечатлен среди

деревьев, на берегу водоемов, у него обычно безмятежное, расслабленное и вдохновенное выражение лица: он словно сливается в гармонии с окружающей красотой, вслушиваясь в ее звучание, наполняясь исцеляющей природной энергией. Трудиться над музыкальными произведениями композитор мог часами, без сна и отдыха, с головой уходя в воплощение замыслов. Так проявлялась романтическая и созидательная сторона характера Ройне Раутио, увлекавшая его в неведомые миры «Калевалы», к северным лесам и озерам, в глубины скандинавской мифологии и народной культуры.

Но творческая натура редко бывает цельной и однозначной, чаще всего талантливые люди, особенно в молодости, весьма непредсказуемы и противоречивы. Ищущего себя, свой путь в жизни и в музыке Ройне периодически обуревали разнообразные страсти и искушения. В детстве он вовсе не считался в семье «enfant terrible», но в молодости через привычную маску улыбчивого обаяния нередко прорывались стремительно закипающие эмоции, характерные для совсем иной грани его личности. Темперамент у композитора был горячий, периодически налетали настоящие шторма и бури. В компании Ройне слыл заводилой, не чурался спиртных напитков и табака, легко поддавался азарту – в занятиях спортом, горным туризмом, в катании на лодках. Нередко, словно проводя неведомый эксперимент, он преднамеренно ставил себя и окружающих в пограничные, опасные ситуации, проявлял безрассудность и авантюризм, искал адреналина и кипучих выходов энергии.

Особенно его увлекали охота и рыбалка, к которым молодой человек пристрастился еще в Олонце, в школьные годы. Вот одна из записей в рабочем блокноте Р. Раутио, выделенная многочисленными восклицаниями: «Рог Оберона не перестанет звучать для имеющих ухо, и Вебер не последний музыкант, которого вдохновит поэзия охоты. И.С.Тургенев». Из обширного письма русского классика, озаглавленного «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», он заинтересовался именно этим лирическим и философским пассажем, что также дает представление о его неспокойной натуре. Добавлю, что одной из частей большого симфонического произведения Ройне Раутио по мотивам «Калевалы» является «Охота на золотого оленя» – как многие люди искусства, тему, важную в собственной жизни, композитор осмысливает через призму мифологии.

В строгой родительской семье не приветствовали открытые проявления чувств, но колоссальная энергия нашего героя, бурлившая в душе, требовала освобождения, порой прорывалась наружу в неожиданных

формах. Недаром любимым образом из «Калевалы» у Ройне Раутио был раб Куллерво – один из самых противоречивых, мятежных героев, на тяжкую долю которого выпали едва ли не все страдания и скорби мира. Судьба бунтаря-мстителя Куллерво глубоко трагична: не выдержав испытаний и бесконечного противостояния со всем миром, гибели близких, открывшейся ему страшной правды любви, он избирает самоубийство. Символично, что именно этот герой интересовал и вдохновлял молодого композитора, привлекал его творческое внимание на протяжении всей сознательной жизни. В болезненной раздвоенности личности Ройне Раутио, его опустошающих душу метаниях от уединения к шумным компаниям, от созерцания природы – к азартной охоте, от музыкального романтизма – к бытовому шутовству был изначально заложен глубокий конфликт, разлом, приведший в итоге к трагическому финалу. Крещендо: звучание и напряжение стремительно нарастает.

Когда возникало вдохновение, Ройне Раутио работал самозабвенно над новыми музыкальными композициями, упорно совершенствуя и развивая свой дар в направлении лирико-эпического программного симфонизма, совмещая классические подходы и использование народной карело-финской образной символики. По воспоминаниям близких, романтик Ройне мечтал создать отдельное произведение по каждой руне «Калевалы», воплощая в музыке эпический мир древних легенд и сказаний – воистину космический по масштабу замысел, требовавший изрядной дерзости, абсолютной сосредоточенности, блестящего композиторского мастерства и полной самоотдачи.

Как отмечают музыковеды, произведения Ройне – очень живые, образные, в них глубоко раскрываются характеры героев, передаются оттенки настроения, отчетливо воспринимаются особенности пейзажных зарисовок. Даже взаимодействуя с многократно проработанными до него другими композиторами темами, Р.К. Раутио всегда искал свой путь, охотно экспериментируя, преодолевая академизм, черпая вдохновение в песенной и музыкальной традиции Карелии и Скандинавии (особенно – Финляндии), личных наблюдениях и опыте. Он не воспроизводил слепо и не пытался копировать творческие идеи предшественников или знаменитого отца, но по-своему интерпретировал и развивал их, наполнял музыкальную форму собственными переживаниями и композиторскими находками, настойчиво двигаясь в сторону широкого симфонизма.

Но при этом ему так и не удалось окончательно переступить границы заданной семьей и временем тематики, стать абсолютным первопроходцем, отк-

рыть для себя совершенно неизведанные темы и музыкальные пространства. Многогранная фигура Карла Эриковича Раутио, реализовавшего свои таланты в самых разных сферах и получившего заслуженное признание, бесспорно, оказывала сильное воздействие, даже давление на молодого композитора на разных этапах его творческого становления. Отец одновременно являлся для сына учителем, участником творческих диалогов, нешуточной полемики, а порой, весьма вероятно, – выступал серьезным музыкальным оппонентом и критиком. Возможно, для того чтобы преодолеть влияние семейной музыкальной традиции, открыть и исследовать новые творческие вселенные, молодому таланту просто не хватило времени.

* * *

Успех пришел к Ройне Раутио довольно рано, его композиторская работа была востребована и оценена по достоинству в самом начале его жизни, что случается в судьбах далеко не всех признанных гениев. Раутио-младший был безгранично одарен, упорен, амбициозен, ставил перед собой большие задачи. После окончания Ленинградской консерватории он вернулся в Петрозаводск, поступил на службу дирижером ансамбля «Кантеле», продолжая создавать серьезные симфонические произведения на темы «Калевалы» и лирические композиции для «Кантеле», обрабатывать народные песни. Вместе с братьями и другими талантливыми артистами (М. Гавриловым, П. Титовым, Э. Венто, Л. Каргулевым) основал в «Кантеле» мужской вокальный ансамбль «Старые холостяки», исполнивший произведения финского и карельского фольклора в современной аранжировке, в результате совместного творчества действие на сцене превращалось в трогательный и веселый музыкально-драматический спектакль. С Ройне Карловичем Раутио заключил трудовой договор Финский драматический театр, что стало для молодого композитора очередным радостным свершением.

С теплом и вниманием публика и критики принимали его произведение – симфоническую сюиту «Из «Калевалы»» во время Декады карельского искусства, состоявшейся в Москве в 1959 году. В программе мероприятий уже на равных звучали произведения К.Э. Раутио и Р.К. Раутио, отца и сына. В столице Финский театр представлял также спектакль «Сельские сапожники» (по произведению финского писателя-реалиста А.Киви), музыкальным оформлением которого занимался Ройне Карлович. Именно за эту работу он получил государственную

награду – медаль «За трудовую доблесть». В том же памятном 1959 году, в возрасте 25 лет, Р.К. Раутио взял еще одну высоту – стал членом Союза композиторов, впереди были грандиозные планы, рождались замыслы будущих симфонических произведений. Ройне мечтал непременно поехать за вдохновением в Италию, открыть для себя новые творческие горизонты. Но... жизнь талантливого композитора и дирижера, незаурядного человека трагически оборвалась 19 августа 1960 года.

* * *

Единственное достоверное свидетельство, которое существует об обстоятельствах трагедии, унесшей жизни Ройне и Хейно Раутио, передал мне сын композитора, Лаури Ройневич Раутио. Сначала в дружеской беседе, не подразумевавшей огласки, потом с просьбой о публикации – его много лет мучила недосказанность жизненной истории отца. Лаури вспоминает, что однажды, приехав на экзаменационную сессию в Вологду (он тогда учился заочно в одном из юридических вузов), заселился в гостиничный номер, где его соседом оказался немолодой, интеллигентного вида мужчина. Лаури назвал себя. Услышав фамилию «Раутио», сосед по номеру изменился в лице, потом спросил, кем ему приходится Ройне Карлович. Убедившись, что перед ним действительно сын младшего из братьев Раутио, незнакомец взволнованно представился: оказалось, это известный в Карелии художник и поэт Алексей Иванович Авдышев. Он рассказал историю, которую хранил в секрете два десятилетия. Злополучным августовским вечером художник рыбачил на Онежском озере, примерно в миле от Кижей. Братья Раутио на катере находились совсем неподалеку, за одним из маленьких островов архипелага. До Авдышева отчетливо долетали их голоса, которые становились все громче, возбужденнее, вероятно, банальная перепалка переросла в ссору, а может быть, – и в потасовку. Поскольку художник полагал, что люди находятся на самом острове, он не очень беспокоился. В какой-то миг все стихло.

Как позже установила судебно-медицинская экспертиза, страшному событию предшествовало употребление спиртных напитков. Что именно произошло тем вечером на лодке братьев Раутио – навсегда останется тайной. Вопреки расхожей версии, не наблюдалось в тот вечер шторма: вода была спокойная, тихая, отчего любой звук разносился гулко и далеко, о чем и свидетельствовал Авдышев. Глубина Онега в этом месте сравнительно небольшая – около 2 метров, камней, на которые

могла бы налететь лодка, там нет. Возможно, озерные волны неожиданно вынесли топляк, спровоцировавший крушение, но еще более вероятно, что несчастный случай произошел из-за необдуманных, рискованных действий людей и виной всему – печально известный «человеческий фактор».

Итог трагедии известен: перевернувшаяся в мгновение ока моторка накрыла Хейно и Ройне, выплыть удалось только Эрику. Его в шоковом состоянии нашли на островке лишь спустя два дня. Рассказать он ничего не мог, воспоминания обрывались в тот момент, когда все еще находились на катере. Тогда же удалось обнаружить тела двух других братьев. Скорее всего, Ройне Раутио до последнего пытался помочь Хейно, который вообще не умел плавать. Во всяком случае, резиновых сапог на младшем из братьев не было, а его руки покрывали синяки.

Именно Алексей Иванович Авдышев вез на своей лодке шокированную Ирэн Раутио, молодую жену Ройне, вместе с маленьким сыном на опознание братьев. И в его лицо с тех самых пор тоже сыпались колючие брызги Онего, не давая забвения... Звенья разорванной цепи воссоединились через двадцать лет в маленьком гостиничном номере, возвращая оцепеневшего Лаури и прослезившегося художника Авдышева в страшный августовский день 1960 года.

* * *

Впрочем, до роковой кульминации в насыщенной драматической партитуре судьбы Ройне Карловича Раутио оставалось еще несколько счастливых и по-человечески очень важных страниц. Подсознательно критикосознатель искал не только профессионального признания, но и глубокого чувства, открывающего скрытые возможности мира и наполняющего творческое сознание бесконечным вдохновением. Вот цитата из Р. Роллана, записанная в его блокноте: «Я называю героями не тех, кто побеждал мыслями или силой. Я называю героями лишь тех, кто был велик сердцем». Вряд ли Ройне хватило тогда мудрости, чтобы на собственном опыте осмыслить и раскрыть в себе такую возможность проявления личности.

Судьба дала ему шанс пережить радости и тревоги сердечных увлечений, семейной жизни, отцовства, испытать различные грани чувств и страстей. Однажды, отдыхая на пляже у Петропавловской крепости в Ленинграде с ровесником и другом Эдуардом Хилем, он встретил красивую девушку с необычным именем Ирэн, студентку педагогического института. Завязалось приятное знакомство – бесшабашные приятели Ройне и Эдуард оба обладали

природным магнетизмом, умели произвести впечатление на представительниц противоположного пола. При первой встрече Ройне мог запросто «пустить пыль в глаза», выглядеть настоящим франтом, представителем богемы – это хорошо просматривается по фотографиям. Пока Хиль весело общался с подружкой красавицы, Ройне уделил внимание сразу приглянувшейся ему Ирэн.

Оказалось, она – дочь политиммигрантов из Франции, Моше Ихелевича и Рахиль Ароновны Лившиц. Их семейная история тоже была необычной: выходцы из Бессарабии, мать и отец Ирэн познакомились во время учебы в Праге и полюбили друг друга. Моше происходил из очень состоятельной семьи, под управлением которой находилось несколько пароходств на Дунае, ее корни принадлежали к французской аристократии. Родные категорически возражали против женитьбы сына на Рахиль, но это не остановило влюбленных. Они поженились, Моше лишили наследства, все связи с известной и влиятельной еврейской семьей Лившиц оказались прерваны. Вскоре молодые переехали в Париж, где у них в 1930 году родился сын Виктор. Там же они познакомились с писателем Ильей Эренбургом, который в те далекие годы занимался в Европе литературной и публицистической деятельностью, общался в широких кругах, рассказывая о преимуществах жизни в СССР. Именно он уговорил Моше, инженера-химика, специалиста по авиасплавам, переехать на работу в Москву, где для него в профессиональной сфере открывались широкие перспективы.

В 1935 году молодая пара с ребенком по приглашению Правительства СССР прибыла в Россию. Сначала все шло хорошо, Моше получил интересную работу на заводе – в составе специального бюро из шести человек занимался, в частности, обрамлением кремлевских звезд. В 1937-м родилась Ирэн. Она была совсем крошкой, когда Моше Лившица внезапно арестовали. По решению суда он получил десять лет без права переписки. Потрясенная Рахиль долго не могла поверить в случившееся, была абсолютно убеждена, что обвинение ошибочно и вскоре муж будет оправдан. Единственная весточка, полученная от супруга, была нацарапана на пачке от «Беломора» и выброшена из окна вагона поезда. Неизвестный добрый человек подобрал послание, вложил его в конверт и переслал в Москву по указанному в записке адресу. Моше сообщал, что его везут на север, и просил жену держаться. (В настоящее время эта реликвия хранится в семье Михаила Геннадьевича Вакуленко, младшего брата Лаури Ройневича Раутио.)

Рахиль дважды предлагали вернуться во Францию, обещали содействие и поддержку, но она упря-

мо отказывалась. В один прекрасный день молодую мать с двумя детьми выселили из московской квартиры, несколько недель они ютились под лестницей. Потом их выслали в Татарию, в незнакомую и чужую Бугульму. Условия жизни там были очень трудными, отношение со стороны местного населения – порой унижительным. Рахиль и ее детям приходилось ежедневно держать удар и мужественно проходить через все испытания, приспосабливаться к любым обстоятельствам, что закалило характер, очень помогло в дальнейшей жизни. Когда после смерти Сталина ситуация начала смягчаться, старший брат Ирэн Виктор уехал в Москву, чтобы выучиться на инженера. А сама девушка отправилась в Ленинград поступать в педагогический институт, стала студенткой. Моше Ихелевича Лившиса реабилитировали в 1961 году, дата и место его смерти достоверно неизвестны, как следует из присланных семье официальных документов, это 1940-й или 1941 год.

* * *

Почти сразу после знакомства нетерпеливый и горячий Ройне предложил Ирэн выйти за него замуж и переехать в Петрозаводск. На удивление, она, увлеченная и очарованная композитором, быстро согласилась. Без колебаний оставила учебу в пединституте и прервала красивый роман с другим мужчиной (Геннадием Федоровичем Вакуленко). Молодые люди создали семью, поселились вместе с остальными членами клана Раутио (оба старших брата к тому времени были уже женаты) в небольшой по нынешним меркам квартире №1 в известном петрозаводском доме на углу улицы Кирова и проспекта Ленина, где тогда проживала научная и творческая элита. Как вспоминает Лаури, представители младшего поколения называли это место «родовым гнездом». Даже после того как молодые семьи обзаводились собственными квартирами, они продолжали сюда регулярно наведываться. В этом королевстве давно сложились свои порядки и ритуалы. Карл Эрикович постоянно работал. Аугне Георгиевна, Мумми, всеобщая мама и бабушка, была женщиной строгих правил и нравов, подлинной хозяйкой домашнего пространства, новости слушались ее беспрекословно, учились вести хозяйство. Между братьями существовали свои, особенные творческие и человеческие отношения. Ирэн приходилось постепенно встраиваться в чужую семью, изучать и принимать ее законы, что не всегда давалось легко. Муж в ней не чаял души, бурно проявлял чувства, это очень поддерживало.

Однако, скоропалительно вступив в брак, Ройне не собирался столь же быстро отказываться от холостяцких привычек, продолжал посвящать много времени музыкальным экспериментам, встречам с коллегами и друзьями, вечеринкам с братьями, застольям, охоте и рыбалке. Хотя в его записных книжках появляются заметки об обязанностях по хозяйству: вот рядом с идеями для нового произведения его рукой набросан список покупок: колбаса, сельдь, огурцы, сыр, хлеб, кабачки... Около каждой позиции указана цена, вероятно, музыкант пробовавал вести семейный бюджет и фиксировать расходы, правда, хватило его ненадолго. Вряд ли это вызывало большой восторг: рядом с бытовыми записями прочерчена нисходящая стрелка. Хозяйственные занятия композитора не вдохновляли, несмотря на то, что в родительской семье детей обучали всему, в том числе – рукоделию и приготовлению пищи. Весной 1960 года подоспело радостное известие: Ройне Раутио получил квартиру неподалеку от «родового гнезда» – на проспекте Ленина, дом 3. Летом молодая семья переехала туда.

Но самое печальное, что супружество и связанные с ним новые обязанности не погасили влечения композитора к застольям в шумных компаниях друзей и родственников, что неизбежно сопровождалось распитием спиртных напитков. Не будем забывать, что в 50–70-е гг. XX века подобное времяпрепровождение было вполне типичным для многих представителей творческой интеллигенции. Не в силах разорвать замкнутый круг, по причине пагубного воздействия алкоголя на здоровье физическое и душевное, ярким потоком метеоров ушла из жизни целая плеяда талантливых поэтов, музыкантов, художников. К сожалению, глобальная тенденция, характерная для эпохи в целом, проявлялась и в отдельно взятых семьях, творческих коллективах и дружеских компаниях.

Скорее всего, застолье означало в те смутные годы простейшую возможность для снятия напряжения, выхода накопившейся энергии, быстрого переключения на другие вибрации. Оказавшись в расслабляющей обстановке, подогретой спиртным, Ройне мог позволить себе стать другим человеком, примерить роль балагура и заводилы, всласть подурачиться, пофилософствовать и пошутить, выплеснуть подавленные эмоции. Но, пребывая в состоянии алкогольного возбуждения, он актуализировал другую сторону личности, становился способным на самые безумные и непредсказуемые поступки. Порой во время домашних посиделок случались серьезные конфликты и ссоры, бурные выяснения отношений. Одним из поводов для стычек с братьями

было то, что все они с детства подмечали: младший сын – любимчик отца, Карл Эрикович относится к нему по-иному, чем к остальным. Возможно, к этим прорывавшимся старым обидам примешивалась и творческая ревность. В одну из таких «горячих» минут Хейно разбил об голову Ройне стул, потасовки между братьями происходили периодически.

Правильная и добропорядочная Мумми, интуитивно чувствующая опасность, категорически возражала против многолюдных посиделок с алкоголем, но контролировать взрослых сыновей уже не могла. Ирэн, как умела, тоже пыталась бороться за Ройне, взывала к его супружеской ответственности, но остановить стихийные силы, все чаще одерживающие верх над здравым смыслом, не получалось. Может быть, свою роль в этом сыграла разница интересов, мотиваций и взглядов на окружающую действительность: прошедшая суровую школу жизни, молодая жена очень дорожила обретенной бытовой защищенностью и стабильностью, материальными факторами, заботилась о перспективах брака, а для импульсивного творческого мужа приоритетными были совсем другие цели и ощущения.

К этому же периоду относится шальная покупка моторного катера, на который Ройне с легким сердцем потратил весь свой авторский гонорар, полученный за первую масштабную симфоническую работу. Приобретение стало предметом личной гордости молодого композитора (далеко не каждый его ровесник мог позволить себе такую роскошь), а в дальнейшем – беспощадным орудием судьбы... Понимал ли Ройне Раутио, с музыкальным даром которого связывали в республике столько надежд, что неумолимо движется к роковой точке невозврата, – доподлинно установить невозможно. Порой окружающим казалось, что он не в силах обуздать собственных демонов и они начинают властно править его жизнью.

2 января 1959 года у Ирэн и Ройне родился ребенок, его назвали Лаури – в честь Л.К. Йоусинена, друга семьи Раутио, великолепного альтиста и композитора-самоучки, внесшего немалый вклад в развитие карельской музыки. Как свидетельствуют письма Ройне к жене и сыну в роддом, новоиспеченный отец был по-настоящему рад этому событию, невероятно взволнован, вместе с братом Эриком подолгу стоял под окнами больницы, чтоб хотя бы мельком увидеть Ирэн с малышом, дома готовился к встрече. «Вчера я помылся, немного постирал, – сообщает Р.Раутио жене, – это по программе подготовки к вашему приходу. Мамка и Лаури будут довольны папкой. А папке все кажется, что он ничего не сделал

для своих любимых мамки и Лаури! Я очень, очень жду вас. Любу мамку, люблю мамку и Лаури, люблю Лаури. Целую долго, долго и много. Целую. Ваш папка».

Наверное, именно это событие – рождение первенца – стало «золотым сечением», мажорным взлетом в судьбе композитора. Счастливые мгновения запечатлел фотограф – маленький сын смеется на руках отца, Ирэн и Ройне о чем-то мирно беседуют, обнимая малыша. Казалось, теперь все точно изменится к лучшему, встанет на правильные рельсы. Ройне с первых дней жизни говорил с Лаури только по-фински, старался воспитывать его в строгости, не баловать. Он полюбил гулять с сыном, частенько уходил с ним на берег Онежского озера. В одну из таких прогулок коляска угодила в промоину, годовалый Лаури запомнил обжигающее ощущение наползающей откуда-то снизу ледяной озерной воды. Вероятно, в часы таких прогулок Ройне строил новые творческие планы, отдыхал душой, отключался от домашней суеты, вдохновлялся. Увы, периоды гармонии и спокойствия были недолгими, сменялись очередными шумными посиделками, родственники и знакомые даже не предполагали, что развязка страшного сюжета уже не за горами.

* * *

... На похоронах Ройне и Хейно Раутио было многолюдно, люди медленно шли, замедленная от горя. Карл и Аугне Раутио, прямые и натянутые как струны, не проронили ни слезинки и никогда больше не говорили о произошедшей трагедии. Но неизбывная память о ней молчаливо сопровождала их до конца дней. Случившееся до глубины души потрясло многих друзей семьи и совсем незнакомых людей, безвременно ушедшим Ройне и Хейно посвящены стихотворения, музыкальные произведения, картины. Тоскуя, несколько раз приезжал в Карелию известный певец Э. Хиль, для которого потеря друга молодости осталась незаживающим шрамом на десятилетия. Ройне Раутио любил ярко-красные цветы, теперь они почти всегда лежат на присыпанном высохшей хвоей надгробии на Сулажгорском кладбище, где (по-прежнему рядом) обрели последний приют два талантливых брата, а через три года – и их родитель Карл Эрикович Раутио.

*Чего ищут? Начала и конца.
Пусть нас с тобой ветра не пожалели,
Но над могилой твоего отца
Всю ночь шумят кладбищенские ели...*

Единственный выживший в крушении лодки брат Эрик продолжал работу в ансамбле «Кантеле» (в общей сложности, он прослужил в коллективе 36 лет), где его творческий дуэт с женой Эйлой (ее девичья фамилия Рауфала, корни – из семьи канадских финнов-политиммигрантов) вызывал неизменное восхищение публики, вместе они развивали и совершенствовали школу игры на кантеле. Помимо этого, он занимался оркестровыми переложениями народной музыки, произведений карельских и классических композиторов.

Но что-то оборвалось тогда в семье, тень печали легла на заострившиеся лица тех, кто остался жить. Появилась тема, которую старательно обходили в беседах, при встречах. На помощь Ирэн приехала бабушка Рахиль, которая стала жить с дочерью и внуком. «Она любила меня совершенно беззаветно, – рассказывает Лаури. – Бабушка Рая была в детстве моим самым близким и дорогим человеком. Она позволяла мне все, я к ней до сих пор испытываю самые нежные чувства». Время от времени Ирэн с сыном навещали «родовое гнездо» Раутио. Карл Эрикович частенько брал внука на колени, когда сидел за фортепиано. Лаури вспоминает, что дед не разрешал стучать по клавишам, терпеливо объясняя, что его отец Ройне никогда бы так не сделал. А на вопрос ребенка «Где же папа?» – задумчиво отвечал: «На небе...» Раутио-старший хотел, чтобы Лаури серьезно учился музыке, но давление взрослых в этом вопросе было слишком сильным, что вызывало обратную реакцию. Музыкантом Лаури Ройневич не стал.

Сын со сложным и своевольным характером, во многом повторявший отца, являлся для Ирэн постоянным источником переживаний, беспокойства и живым напоминанием о коротком и трудном браке с Р.К. Раутио. Мумми нередко приговаривала, что, останься Ройне в живых, Лаури вырос бы совсем другим человеком. Ирэн с юности умела держать удар, овдовев в 23 года, она не сломалась и не сдалась, никогда не подавала вида, насколько ей тяжело. Окончив Карельский государственный педагогический институт по «широкому профилю», она выбрала для себя преподавательскую стезю: поступила на службу в «альма-матер», на кафедру немецкого языка. Студенты запомнили ее удивительно спокойной, достойной и красивой женщиной, мягким и душевным человеком. Коллеги говорят о ее интеллигентности, отзывчивости, удивительном такте и вкусе, деликатности, умении слушать и понимать людей.

Ирэн Моисеевна возглавляла факультетское бюро профсоюзов и отстаивала интересы педагогов,

всегда стремилась восстановить справедливость. Порой могла увлечь коллег неожиданными идеями, а потом незаметно отойти в сторону. Никому не завидовала, умела сопереживать и радоваться за других. Заведующая кафедрой немецкого языка, доцент В.Т. Двинская в беседе со мной припомнила, с какой гордостью Ирэн Моисеевна рассказывала об успехах начинающей оперной певицы Нины Раутио, первой супруги Карла Хейновича Раутио, была искренне счастлива за нее.

Взрослеющий Лаури запомнил и другие проявления материнского характера. Ее жизненная сила порой оборачивалась в семье излишней властностью, а с детства выработанная способность адаптироваться к любым обстоятельствам – решительным отрезанием целых периодов прошлой жизни. По словам Лаури, мама не любила говорить о Ройне Раутио. Она долго обижалась на него за то, что позволил жизни оборваться так нелепо и преждевременно, обрекая на страдания семью, считала это предательством.

Спустя годы к Ирэн неожиданно вернулась давняя любовь – она случайно повстречала на улице в Сегеже того самого человека, от которого сумасбродно сбежала когда-то с Ройне. У него сохранились чувства, и через некоторое время Ирэн приняла прагматичное решение воссоединиться с Геннадием Вакуленко. Многие архивные и памятные вещи, связанные с Р. Раутио, таинственным образом исчезли как раз в тот момент – Ирэн не хотела травмировать воспоминаниями нового супруга, начинала будто с чистого листа. Внутренне она разрывалась между проблемным сыном, которого всем сердцем любила, и вторым мужем. Отношения между Лаури и Геннадием Федоровичем сразу не сложились, поначалу мальчик тянулся к отчиму, но ответной теплоты не встречал. В семье эмоциональный и впечатлительный Ларька остро чувствовал себя лишним, все больше замыкался и уходил в себя.

В 1966 году родился второй сын Ирэн Моисеевны – Михаил Вакуленко, вскоре после этого умерла бабушка Рахиль. Зная о ее пронесенной сквозь годы любви к рано ушедшему мужу Моше, на могиле поставили символический совместный памятник. Лаури еще больше отдалился от мамы и отчима, окончив школу, уехал из дома и дальше жил самостоятельно. Новый конфликт возник после того, как в годы перестройки он одним из первых в Петрозаводске начал заниматься бизнесом. Ирэн казалось, что это неправильно, она тщетно старалась повлиять на сына, остановить и образумить его. Случился разрыв отношений, долгие годы мать и сын вообще не общались. Новое сближение случилось в критический момент, когда в 1988 году из-за неправильно

сделанной операции на грани жизни и смерти оказался Г.Ф. Вакуленко. Родные люди поддержали друг друга, а после смерти второго мужа Ирэн приняла решение об отъезде с Мишей в Израиль, Лаури помог им в этом. На Святой земле началась совсем иная жизнь, происходили новые встречи, события. Умерла красивая и сильная женщина Ирэн Моисеевна от тяжелой болезни на руках сыновей в 2000 году. Никакие перемены в судьбе не смогли стереть из ее сердца память о первом муже, короткую огненную веху по имени Ройне, напоминавшую о себе пронзительной болью. И фамилию она не поменяла, оставшись Раутио до конца дней. Ее старшему сыну потом грезилось, что она поет в хоре ангелов...

Горячий и самолюбивый Лаури, унаследовавший от Ройне высокие скулы, природный магнетизм и способность чувствовать людей, безрассудность и бурные проявления эмоций, рос в неизбывной тоске по отцу, искал себя, протестовал против обстоятельств, блуждал по лабиринтам семейной истории, которая роковым образом влияла на многие события его биографии. Не отпускает она его, зрелого человека, прошедшего огонь, воду и медные трубы, даже сегодня. Обручальное кольцо отца Лаури носит на руке не снимая, как будто поддерживая ежеминутную связь с давно ушедшим родным человеком. А недавно он принял непростое и выстраданное решение направить сохраненные предметы из архива отца в Национальный музей Республики Карелия, отдавая дань уважения представителям семьи и равнодушным людям, которые бескорыстно заботятся о сохранении семейного наследия во имя грядущих поколений.

* * *

Этот очерк – попытка преодолеть недосказанность, которая все еще остается относительно судьбы нашего земляка, композитора Р.К.Раутио, напомнить о его музыкальных достижениях, нереализованном творческом потенциале и трагическом финале. Заключительная часть в партитуре его судьбы еще не завершена, она продолжается, вызывая неожиданные отклики в сердцах и душах современников. Что конкретно привело к трагическому варианту развития событий, однозначно утверждать невозможно, скорее всего, воздействовал целый комплекс причин, запутанный клубок взаимосвязей и обстоятельств. Явились ли катализатором процесса сложность и конфликтность внутреннего мира нашего героя, его двойственность, неукротимый темперамент, с детства чересчур завышенная планка соответствия семейным традициям и необходимость неп-

ременно продолжать и развивать дело отца? Может быть, первоочередным фактором стал кризис духовных ориентиров, внутренний вакуум, одиночество среди людей... Или сказались разом «головкружение от успехов», неспособность разобраться в собственных чувствах и взять под контроль разрушительные проявления личности. Сыграло ли свою роль загадочное «проклятие семьи Раутио»?.. А возможно, сама противоречивая эпоха, в которую разворачивались события, повлияла на течение жизни молодого талантливое композитора и его близких, изменяя на свой лад симфонии их судеб...

Размышления о музыканте Ройне Раутио, чей выдающийся талант не успел раскрыться и реализоваться в полной мере, заставляют задуматься об ответственности творческого человека за вверенный ему дар: порой понимание последствий его неправильного использования и развития приходит слишком поздно, не давая шансов исправить ситуацию. Сама ценность человеческой жизни на протяжении XX века была настолько девальвирована, что многие современники до сих пор не могут понять и оценить радости каждого дарованного судьбой дня, важности простых человеческих чувств, абсолютной невозможности каждой утраты. Творческие люди упрямо спорят с судьбой и даже бравируют этим, «уход на взлете» несправедливо овеян ореолом романтики и славы, не вызывает ужаса. В информационном поле сформировалась целая «эстетика смерти», изначально настроивающая на разрушительный лад.

Нередко люди искусства чересчур легкомысленно относятся к жизненным задачам, выбирают готовые решения и торные пути, злоупотребляют стимуляторами – алкоголем и наркотиками, что неизбежно приводит к распаду личности. Начинающие художники, поэты, музыканты попадают под различные влияния и, не имея иммунитета к ним, далеко не всегда в полной мере реализовывают свой уникальный талант, добиваются мастерства и успеха в избранном деле. В границах постмодернистской парадигмы они механически играют существующими образами, скользят по поверхности чужих эмоций и впечатлений, отказываются от душевного труда по раскрытию собственных тем, поддаются соблазну упрощения творческого процесса и тиражирования его результатов. В конечном итоге уходят с земного плана разочарованными и разбитыми, так и не осознав, в чем суть их миссии. Все чаще искусство встает на сугубо коммерческие рельсы, утрачивает изначальную суть и смысл, размывая и подменяя конъюнктурой глубинные задачи творчества. Осознание предназначения и выбор в пользу служения культуре оказывается трудным решением, странным с

точки зрения окружающих, и совершается далеко не всеми одаренными людьми.

Трагическая партитура судьбы Ройне Раутио предоставляет повод подумать об особенностях воспитания творческой личности, бережном отношении к талантливым людям, необходимости поиска особых подходов в их обучении, эмоциональном и духовном развитии. Важно помнить, что семейные «скелеты в шкафу» нередко оживают и являются миру, обеспечивая мучительные повторы ситуаций у представителей следующих поколений. Поэтому глубокое знание истории рода – один из ключей к пониманию происходящего в жизни потомков.

А еще нам предоставляется шанс вспомнить о ценностях дружбы и кровных уз, знании народной культуры и традиций, преодолении всеобщей разъединенности и отсутствия глубокого интереса друг к другу, поверхностности в восприятии окружающих, ибо эти «вечные темы» остаются исключительно актуальными в современном обществе. Создание запроса на приоритетное развитие культуры, повышение уровня гуманитарного образования, формирование нового поколения научной и творческой интеллигенции на основе главных духовно-нравственных ценностей, при наличии опоры в любви и поддержке близких людей, всестороннего овладения высочайшими достижениями прошлого – острые вызовы сегодняшнего дня.

Закончить очерк мне хочется строками из стихотворения «Сибелиус» (с творчеством именно этого композитора исследователи зачастую сравнивают музыкальное наследие Р. Раутио), которое известный поэт, выпускник петрозаводского музыкального училища Рейе Такала посвятил Ройне:

*Он еще вернется к вам в салоны,
Господа, ценители искусств,
Но вернется не юнцом зеленым,
Не познавшим вдохновенья вкус.
А вернется как большой маэстро
Маленькой Суоми, и тогда
Мир услышит мощь его оркестра
И признает гений навсегда.*

Давайте помнить тех, кто внес свой вклад в сокровищницу карельского искусства, пусть партитура судьбы Ройне Раутио и других представителей славной музыкальной династии послужит источником вдохновения, уроком постижения жизненного и исторического наследия для новых поколений потомков.

Автор и редакция благодарят Л.Р.Раутио за предоставленные сведения и архивные материалы.

□

Наталья ЛАЙДИНЕН

родилась в Петрозаводске.

Поэт, журналист.

Живет и работает в Москве.

Исполнительный директор

ООО «Карельское землячество в Москве»,

член Московского отделения

Союза писателей России.

